

Н.Н. КОЗНОВА
(*Старый Оскол*)

МЕМУАРЫ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

Исследуются мемуары писателей-эмигрантов (И. Бунина, З. Гиппиус, А. Куприна, Б. Зайцева) на исторические события далекого и недавнего прошлого. Ключевые события современной для мемуаристов истории – революция 1917 г., Гражданская война в России, эмиграция – осмыслены мемуаристами через сопоставления с монголо-татарским нашествием, Смутным временем; подчеркнут неуправляемый, стихийный, разрушительный характер этих кризисных эпох.

Ключевые слова: *мемуары, русское зарубежье, осмысление истории и современности.*

Русские писатели-эмигранты первой волны, пытаясь глубже проникнуть в движение истории, аналитически подходили к прошлому и современному им политическому состоянию мира. История Отечества изучалась и воспринималась ими через призму традиций русской национальной культуры и личного опыта, позволившего наблюдать и переживать эпохальные и вместе с тем катастрофические события начала XX в. В мемуарах эмигрантов ясно прочитывается позиция неприятия политических перемен в России после 1917 г., проявленная в авторских комментариях, прямых оценках, отборе реальных фактов и их художественной интерпретации. Сопоставляя прошлое и настоящее, авторы литературных мемуаров, с одной стороны, выполняли функцию летописцев, добиваясь точности, полноты, объективности изображения, с другой – проявляли себя как художники, создававшие яркую, образную картину уходящего времени.

Особенность исторического сознания русских писателей-эмигрантов, обратившихся к мемуарным жанрам, заключалась в том, что историческое прошлое они воспринимали не линейно, последовательно нанизывая в своем повествовании одно событие на другое, а в параллели с «историческим настоящим». Жанровая природа мемуаров, в которых автор восстанавливает прошлое, реально находясь в настоящем времени, позволила объединить разные временные пласты в едином текстовом пространстве и полнее ощу-

тить поступательное движение истории. Многим мемуаристам-эмигрантам, обратившимся к художественному воссозданию и анализу революционных событий начала XX в., была близка мысль В.О. Ключевского о «повторяемости» истории. Согласно концепции ученого, глубокое постижение эпохально значимых исторических периодов, пройденных страной, способствует пониманию общественно-исторических процессов на новом, современном этапе.

Солидарными с ученым по существу стали писатели, пережившие революцию и Гражданскую войну в России. А. Куприн писал: «Жизнь человечества идет по каким-то таинственным спиральям, делая несомкнутые круги и беспрестанно возвращаясь к прежним формам и явлениям» [6, с. 169]. Б. Зайцев утверждал, что вдали от Родины особенно сильно ощущалась «связь истории, связь поколений», которая, несмотря на внешние изменения, «в существе своем все то же, лишь вековым путем движущееся» [4, с. 6]. И. Бунин, размышляя над последствиями французской и русской революций, пришел к выводу: «Как они одинаковы, все эти революции! <...> Все это повторяется...» [2, с. 46]. Признание идеи «повторяемости» отдельных этапов истории привело писателей-эмигрантов к возможности и необходимости прямых художественных сопоставлений явлений прошлого и настоящего.

Определив русскую революцию как одно из ключевых исторических событий нового времени, мемуаристы акцентировали внимание на таких ее чертах, как стихийность, катастрофичность, неуправляемость, непредотвратимость, антигуманный характер действий революционеров-большевиков. Подобные характеристики не исключали возможности сопоставления революции с колоссальным по своей разрушительности явлением в отечественной истории – монголо-татарским нашествием. Как известно, поход монголо-татар на Русь, затянувшийся на несколько веков, сопровождался разорением русских земель, гибелью большого числа людей, варварским уничтожением памятников духовной и светской культуры.

Сходные последствия, по мнению писателей-эмигрантов, но в гораздо более короткий временной промежуток оставил после себя и революционный переворот 1917 г. Итоги двухлетней власти большевиков в мемуарных записях А. Куприна выглядят устрашающе: «Тридцать миллионов (не считая войны с

Германией) русских жизней, погибших во имя утопической теории на войне, под расстрелами и пытками, от голода, мороза и повальных эпидемий. Разрушенные, загаженные города. Оподление, мрак, отчаяние... Вся страна обращена в дикое, гиблое место, и нужны многие десятки лет, чтобы возобновить в ней хотя бы подобие даже прежней культуры» [6, с. 207].

Историки называли различные причины тотального поражения русичей в битвах с монголо-татарами, но, по мнению писателей, главную из них необходимо искать в области социально-психологической, нравственно-этической, трудно управляемой в переломные моменты истории. И. Бунин отмечал, что характеристика морального состояния русского общества накануне монголо-татарского нашествия, данная известным историком В.Н. Татищевым, звучала вполне современно в России 1917 – 1918 гг.: «Брат на брата, сынове против отцев, рабы на господ, друг другу ищут умертвить единого ради корыстолюбия, похоти и власти, ища брат брата достояния лишить, не ведущее, яко премудрый глаголет: ища чужого, о своем в оный день возрыдает...» [2, с. 53]. В мемуарных и публицистических записях Н. Берберовой, З. Гиппиус, Г. Иванова, А. Куприна, Б. Зайцева, Н. Тэффи и других писателей-эмигрантов также обнаруживаем множество описаний проявленных современниками необузданной жажды власти, корыстолюбия, всеобщей озлобленности и эгоизма.

И. Бунин свидетельствовал: «Имени нет тем бессмысленным зверствам, которые творит русский народ. <...> Число убитых и замученных людей, почти сплошь ни в чем неповинных, достигло, вероятно, уже миллиона, целое море слез вдов и сирот заливает русскую землю. Убивают все, кому не лень; солдаты, все еще бегущие с фронта ошалелой ордой, мужики в деревнях, рабочие и всякие прочие революционеры в городах» (Там же, с. 273). А. Ремизов подтверждал: «Очень люди ожесточились, тесно стало, земля перекраивается. И уж кто уцепился, так зубами и держится...» [8, с. 121].

А. Куприн поведал о том, как ему пришлось наблюдать в Гельсингфорсе проникновение «революционных» изменений в размеренную, давно устоявшуюся жизнь местных обывателей. Собственные наблюдения писатель комментирует, прибегая к стилистическому приему градации, постепенно усиливая значимость художественных деталей. По свидетельству писателя, перемены начинались постепенно, но происходили последова-

тельно и неотвратимо: от появления на лицах горожан «тревожного любопытства к загадочному завтрашнему дню», красных флагов на улицах, «ленточек в петличках» до зверских убийств невинных людей, последовавших за сообщением об «отречении царя и отказе от власти великого князя Михаила». В тот момент в городе, рассказывал А. Куприн, «был застрелен адмирал Непенин, талантливый флотоводец. <...> Застрелили на улице одного пехотного генерала: у него недавно пали со славою на войне три сына, а сам он был всегда и неизменно любим солдатами. Убили на улице мичмана, потребовавшего от матроса отдания чести. Убили одного скромного и дельного капитана...» [6, с. 173]. Так, от «тревожного любопытства» и «красных ленточек» до убийств и погромов шествовала революция по стране. Завершается мрачное перечисление анархических бесчинств выводом о том, что революционные события подобны стихии, несущей зло, смерть, калечащей сознание людей.

В оправдание жестоких действий из распоясавшейся революционной толпы звучал один ответ: «– Буде. Попили нашей кровушки». Эти слова, вспоминал А. Куприн, так часто повторявшиеся в разных местах, в первые революционные дни прозвучали «как символ, как бессмысленное пророчество» грядущей кровавой бойни. Между людьми окончательно исчезли добросердечные человеческие отношения, вчерашние граждане единой страны разделились на два враждебных лагеря, обнаружив друг в друге непримиримых врагов. Вместе с мечтой о социальной справедливости бывшими соотечественниками овладели подозрительность, недоверие, озлобленность, предательство, жажда мести, что ускорило трагический распад великой в недавнем прошлом державы.

Катастрофическое ощущение постреволюционной действительности заставило писателей обратиться к историческим аллюзиям и реминисценциям из давних поворотных эпох. Именно поэтому страшные последствия революционных потрясений в мемуарных текстах часто ассоциировались с варварскими действиями монголо-татар на захваченной когда-то ими русской территории. З. Гиппиус на вопрос, что же случилось с Россией после прихода к власти большевиков, отвечала так: «... Приблизительно то, что было после битвы при Калке: татары положили на русских доски, сели на доски – и пируют» [3, с. 45]. Под татарами в современном историческом контексте, конечно же, подразумевались представи-

тели новой государственной власти, большевики. Лицо «врага» в художественном восприятии писателей было исторически персонифицировано.

Не теряло своей актуальности и сопоставление с монголо-татарским нашествием последовавшей за революцией Гражданской войны. По масштабности территориального охвата военными действиями постреволюционная действительность не уступала исторической панораме сражений русского народа с монгольской ордой. По свидетельству очевидцев, в войну было втянуто почти все население страны. Россия «истекала кровью на своей братоубийственной Голгофе» [6, с. 184], – заключал А. Куприн. Не выдержав «бешеного нажима» новой власти, «когда предавались огню, разрушению, сравнивались с землею целые села и деревни», крестьяне вооружались «как попало» и шли искать то место, «где бьют большевиков» [7, с. 70]. В своих блужданиях по «лицу земли Русской» они, подобно Некрасовским странникам-мужичкам, попадали то к Деникину, то к Петлюре, то к полякам, оказывались в рядах Северо-Западной армии.

На стороне Красной Армии, как утверждала З. Гиппиус, воевали представители разных национальностей: латыши, монголы, китайцы, башкиры. «Получается истинная картина чужеземного завоевания, – замечает писательница. – Из латышей и монголов составлена личная охрана большевиков. Китайцы расстреливают арестованных-захваченных. <...> Китайские же полки или башкирские идут в тылу посланных в наступление красноармейцев, чтобы, когда они побегут (а они побегут!), встретить их пулеметным огнем и заставить повернуть. Чем не монгольское иго?» [3, с. 21]. Об участии в Гражданской войне «интернациональных отрядов» на стороне Красной Армии также упоминал А. Куприн в очерке «Русские коммунисты» [6, с. 231].

И. Бунин, по-особому чувствующий людей, пристально вглядывался в лица красноармейцев и находил портретное сходство с далекими предками-завоевателями, отмечая их генетическую связь с древней монгольской расой: «Сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметрическими чертами среди этих красноармейцев. <...> Сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме!» [2, с. 119]. Писатель полагал, что именно такие «русские» издревле славились своей *антисоциальностью* и именно из них вышло столько «удалых разбойников», «бродяг, бегунов, хитровцев, босяков». В

настоящее же время они стали «красой, гордостью и надеждой русской *социальной* революции». «Что ж дивиться результатам?» (Там же, с. 120) – саркастически замечал Бунин. Писательская точка зрения на причины русской «антисоциальности» и разрушительный характер революции глубоко субъективна, но личные наблюдения и выводы автора, понимание им исторической обусловленности общественных процессов – все выражено резко и убедительно, будит мысль и историческое чувство читателя.

«Корыстолюбие», «жажда власти» и материального превосходства – черты, отмеченные В.Н. Татищевым у древних славянских народов еще накануне монголо-татарского нашествия, укоренились в сознании большевистских вождей и до неузнаваемости изменили бытие россиян после революции 1917 г. «Все было “национализировано” – большевизировано, – вспоминала З. Гиппиус. – Все считалось принадлежащим “государству” (большевикам)». Однако, как поясняет мемуарист, «это просто было желание прибрать все к своим рукам. И большей частью кончалось разграблением, уничтожением того, что объявлялось “национализированным”» [3, с. 12].

Несмотря на многочисленные факты, подтверждавшие, что новый государственный строй в России, подобно монголо-татарскому игу, был обречен на многолетнее существование, у некоторых эмигрантов в начале 1920-х гг. оставалась надежда на скорое свержение абсурдного режима. Писатели обращались к друзьям и союзникам бывшей Российской империи с призывами о военном вмешательстве, подкрепляя свои слова историческими примерами. З. Гиппиус писала: «Не ясно ли, что свободным, не связанным еще, – надо (и легко) столкнуть татар с досок? И отнюдь не из “сострадания” – а в собственных интересах, самых насущных. Ибо эти новые татары такого сорта, что чем дольше они пируют, тем грознее опасность для соседей попасть под те же доски» [3, с. 46]. Осмысление исторического опыта нации, отстоявшей свою независимость, входило в мемуарную прозу русских писателей как один из значительных ее стимулов и идейных векторов.

Эпохальным в отечественной истории, также сопоставляемым в мемуарной прозе эмигрантов с современной революционной эпохой, было Смутное время, породившее кризис власти, хаос, анархию, предательство. Попытавшись нарушить развитие утвердившегося на Руси к XVI в. государства, жаж-

дущие власти и могущества (Б. Годунов, Лжедмитрий, В. Шуйский) подвергали страну угрозе иноземного порабощения. Для достижения эгоистических целей отдельных людей в борьбу за власть были вовлечены военные силы соседних государств – Польши, Литвы, Швеции. И. Бунин, наблюдая жизнь в России после революции и находя в ней подтверждение мысли о «повторяемости» истории, глубоко задумывался над словами С.М. Соловьева: «Толпы отверженников, подонков общества потянулись на опустошение своего же дома под знаменами разноплеменных вожаков, самозванцев, лжецарей, атаманов из вырожденцев, преступников, честолюбцев...». Подобное стало возможным, по убеждению историка, «среди духовной тьмы молодого, неуравновешенного народа», когда «особенно легко возникали смуты, колебание, шаткость» [2, с. 89]. Многие герои бунинской мемуарно-публицистической прозы соответствовали негативной характеристике, данной С.М. Соловьевым историческим персонажам Смутного времени.

Ситуация безвластия, ожесточенной борьбы за власть напомнила мемуаристам о раздробленности народа во время русской Смуты. Отречение от власти императора, образование Временного правительства, заседания в Думе, появление противников и сторонников продолжения войны; либералы, социалисты-революционеры, кадеты, монархисты, коммунисты-большевики, меньшевики планировали получить если не полную власть, то контроль над каким-то политическим или экономическим сектором в государстве. В каждой группировке выделялись свои лидеры, сменявшие друг друга с калейдоскопической быстротой. З. Гиппиус вспоминала: «Самодержавие; война; первые дни свободы <...> Керенский в своем взлете... Ленин, присланный из Германии, встречаемый прожекторами... Июльское восстание... победа над ним, страшная, как поражение... Опять Керенский и люди, которые его окружают. Наконец, знаменитое К – С – К, т.е. Керенский, Савинков и Корнилов, вся эта потрясающая драма, которую довелось нам наблюдать с внутренней стороны» [3, с. 10]. И – штурм Зимнего, матрос Железняков, объявивший о закрытии Учредительного собрания, после чего, по мнению писательницы, продолжилось «падение, то медленное, то быстрое», затем – агония революции и ее смерть.

Создававшаяся историческая ситуация в интерпретации мемуаристов иногда получала фольклорно-художественную окраску, вдох-

новляла на ассоциативные сопоставления с волшебной сказкой. По замечанию Н. Берберовой, «как богатырю на распутье трех дорог, стране, на всех трех путях предстояли испытания: через Корнилова и Деникина, через Троцкого, через Сталина» [1, с. 111]. Однако мирные обыватели, подобно классическим сказочным персонажам, продолжали верить в «чудо» и ожидали разрешения внутригосударственных проблем при помощи не зависящих от них внешних сил. З. Н. Гиппиус, например, вспоминала, как в Петербурге, услышав шум моторов в небе, люди выбегали на улицы посмотреть, не обещанная ли помощь союзников подоспела, чтобы расправиться с большевиками. Из разговора двух женщин на улице: «– И чего они – летают-летают... Союзники тоже... Хоть бы бумажку сбросили, когда придут, или что... – <...> Хоть бы бомбу шваркнули, и за то спасибо!» [3, с. 33].

Другие мемуаристы отмечали, что в первые послереволюционные годы надежды на избавление от большевиков при помощи союзников не были мифическими. Бунин писал, что в 1918 г. «власть большевиков простиралась еще на небольшую часть России, все остальное было или свободно, или занято немцами, австрийцами, и с их согласия и при их поддержке управлялось самостоятельно» [2, с. 279]. Англичане и французы также обещали свою помощь Добровольческой армии. Однако эмигранты трезво понимали политический смысл событий. З. Гиппиус, например, утверждала, пока в России будет существовать большевистская власть, будут длиться война, «смута», население огромной страны продолжит балансировать на грани жизни и смерти. Писательница уточняла, что речь идет не только о гражданской войне, а о войне вообще, «только двойной, и внешней, и внутренней. <...> И последняя, в самой омерзительной форме террора, т. е. убийства вооруженными – безоружных и беззащитных» [3, с. 32].

В результате проведенных аналогий между настоящей и прошлыми переломными историческими эпохами мемуаристы-эмигранты признали тот факт, что в годы Гражданской войны (очередной великой «гражданской Смуты») русские люди так же, как и в далеком XVI в., сами допустили иноземцев «к разорению своего дома» и позволили утвердиться у власти «лжецарям», разного рода «отщепенцам», «разбойникам», «захватчикам». Не случайно известный лидер Белого движения генерал А.И. Деникин назвал свои мемуары о Гражданской войне в России «Очерка-

ми русской смуты». Философ И. Ильин выявил нравственно-психологические причины, указал на то, что «Россия погибла от душевной смуты, двоедушия и предательства» [5, с. 421].

Безрадостные перспективы исторического пути России, обрисованные писателями-эмигрантами в 1920 – 1930-е гг., объяснялись, в первую очередь, слишком малой временной дистанцией, отделявшей очевидцев от недавних катастрофических событий, невозможностью в короткий срок изжить в себе ощущение ужаса, вызванное революционным террором, разрушением историко-культурных связей и традиций. Вместе с тем негативные настроения питались оторванностью от родной земли, невозможностью участвовать в жизни своего народа, наблюдать и оценивать новую Россию. Еще одним лейтмотивом мемуарной прозы были тревога за жизнь будущих поколений и желание предупредить соотечественников о надвигающихся грозных последствиях «революции-стихии», «революции-бунта», «революции-смуты», природа которой враждебна истинной культуре. Мемуаристы-писатели по-новому осветили размышления современников об историческом смысле событий в России, передали впечатления от революционной действительности, которую наблюдали собственными глазами, заострили философские и политические вопросы, которые до сих пор волнуют любознательного и неравнодушного читателя.

Литература

1. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996.
2. Бунин И.А. Окаянные дни // Его же. Окаянные дни: дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1992.
3. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9: Дневники 1919 – 1941. Из публицистики 1907 – 1917 гг. Воспоминания современников. М.: Рус. кн., 2005.
4. Зайцев Б.К. Слово о Родине // Его же. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. Т. 2.
5. Ильин И.А. Родина и мы // Литература русского зарубежья: Антология: в 6 т. М.: Книга, 1991. Т. 2.
6. Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919 – 1934. М.: Собрание, 2006.
7. Куприн А.И. Эмигрантские произведения: Купол святого Исаакя Далматского. Извощик Петр. М.: Раритет, 1991.

8. Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма // Под созвездием топора: Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый. М.: Сов. Россия, 1991.

The memoirs of emigrant writers about the Russian history

There are researched the memoirs of emigrant writers (I. Bunin, Z. Gippius, A. Kuprina, B. Zaitseva) about the historic events of the far and the recent past. The key events of the modern history for memoirists – the revolution of 1917, Civil War in Russia, emigration – are comprehended by the memoirists through the comparison with the Tartar invasion, Time of Trouble; there is emphasized the uncontrollable, spontaneous, destructive character of these crisis epochs.

Key words: *memoirs, Russian abroad, comprehension of history and modern times.*

Я.В. СОЛДАТКИНА
(Москва)

ЭПИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ПРОЗЕ 1930 – 1950-х гг.: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируется реализация эпического мышления, свойственного культуре 1930 – 1950-х гг., в мифопоэтике русской эпической прозы названного периода. Мифопоэтические характеристики в данном типе прозы обуславливаются эпическими свойствами и установками текстов. Мифопоэтическая система произведения раскрывается в воссоздании эпической картины мира, эпическом сюжете, особенностях композиции, в финальном неомифе.

Ключевые слова: *мифопоэтика, эпическая проза, эпическое мышление, неомиф, финал, символ.*

Период 1930 – 1950-х гг. в истории отечественной культуры можно назвать эпохой расцвета эпического мышления. Актуализация этого типа художественного видения продиктована мировоззренческими и социокультурными задачами по созданию цельного, масштабного, широкого эпического образа мира, соответствующего той общественной реальности, которая складывалась при сталинском правлении. Этот государственный строй